

Годунов
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

АЛЕКСАНДР
БУБЕННИКОВ

Годунов

ПОСЛЕДНЯЯ
КРОВЬ

МОСКВА 2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б90

В оформлении обложки использована
работа художника *Владимира Нартова*

Бубенников, Александр Николаевич.
Б90 Годунов. Последняя кровь / Александр
Бубенников. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-105012-2

Смерть Бориса Годунова усилила тяжелейший государственно-политический и социальный кризис в России. Предельно уставший от Смуты русский народ собирает ополчение. Люди продают дворы и отдают все последнее ради спасения Москвы и освобождения Кремля. Военачальниками ополченцев становятся князь Дмитрий Пожарский и его помощник Кузьма Минин.

Эти русские богатыри поставили перед собой задачу любой ценой взять Китай-Город и Кремль и освободить русскую столицу от польско-литовских оккупантов...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105012-2

© Бубенников А.Н., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ГЛАВА 1

По всей Русской Земле летом и осенью 1611-го словно что-то закипало, зашумело из сердцевины, из глубин затаившейся, надолго замолкшей природной или народной души, как будто предвестья близкой природной и народной душевной бури дали о себе знать; какие-то дивные и странные слухи стали распространяться от города к городу, от селения к селению, а слухи и шорохи подхватывал ветер и переносил слуховые поветрия от поля к полю, от речки к речке, от леса к лесу, от сердца к сердцу, от души к душе человеческой. И всё это было естественным глубинным откликом на письма-грамоты, которые рассылал архимандрит Троицкого монастыря Дионисий в низовые города и селения Русской Земли и в которых для набожного народа, ждущего спасения от Великой Русской Смуты через Божию Небесную помощь говорилось:

«Православные христиане, вспомните наконец свою истинную православную христианскую веру... Покажите подвиг свой, молитесь

служилых людей, чтоб быть всем православным христианам в соединении, стать сообща против предателей христианских, Михайлы Салтыкова и Федьки Андропова, и против вечных врагов христианства, польских и литовских людей. Сами видите конечную от них погибель всем христианам, видите, какое разорение учинили они в Московском государстве. Где святые Божии церкви и Божии образы? Где иноки, сединами цветущие? Инокони, добродетелями украшенные, не всё ли до конца разорено и обругано злым поруганием; не пощажены ни старики, ни младенцы грудные... Пусть служилые люди без всякого мешканья спешат к Москве, в сход к боярам, воеводам и ко всем православным христианам».

Ключевыми словами в разосланных многочисленных грамотах Дионисия были призывы к сопротивлению и борьбе против внутренних предателей христианства, засевших в Москве и Кремле, и против внешних врагов православия, поляков и литвы. Набожный православный русский народ, слушающий и читающий эти грамоты из Троицы с надеждой на молитвенное спасение через Божию помощь, считал необходимым особенным способом очиститься от грехов Русской Смуты и умилостивить Бога великим покаянием и строгим постом. С подачи монахов Троицкого монастыря по всем городам и селениям

люди приговорились поститься три раза в неделю: в понедельник, вторник и среду ничего не есть, не пить, а в четверг и пятницу — сухо есть... Так приготавлился народ русский к великому делу — отпору Смуте в своей многострадальной земле в огромном душевном желании сопротивляться Смуте и подняться на борьбу с внутренними предателями и внешними врагами православного христианства и положить раз и навсегда конец Русской Смуте, разложившей основы народной праведной жизни, сломавшей хребет и скрепы Московского государства...

А что же бояре и дворяне московские, засевшие в Кремле, жаждущие своего спасения не через помощь Небесную Божию, а через «земную помощь» со скорым прибытием в Москву польского войска короля Сигизмунда под началом гетмана Ходкевича? Внутренним русским «кремлёвским предателям» вместе с польскими отрядами Гонсевского, в окружении Кремля и Китай-города казацкими войсками Заруцкого и Трубецкого, была просто необходима воинская и продовольственная помощь гетмана Ходкевича. Но Ходкевич по каким-то причинам задержался с «земной королевской помощью» и подошёл к стенам Москвы только в октябре. Ему даже удалось доставить осаждённому измождённому

польскому гарнизону и боярам-предателям незначительную продовольственную помощь.

Гетман Ходкевич был опытным полководцем, чтобы чётко и правильно оценить ситуацию в Москве: пожары 15 сентября при бомбардировке Китай-города войсками Заруцкого и Трубецкого практически полностью уничтожили запасы фуража, в первую очередь продовольствия. Гетман разумно предпочёл ретироваться из столицы и отойти на зимовку в монастырскую обитель Рогачёва. Усмотрев в действиях Ходкевича нежелание предоставить «земную помощь кремлёвским сидельцам», бояре-предатели решили направить к королю Сигизмунду новое посольство во главе с боярином Михаилом Глебовичем Салтыковым. Грамота посольства Салтыкова начиналась верноподданническими словами: «Наияснейшему великому государю Жигимонту Третьему и проч. великого Московского государства ваши государские богомольцы: Арсений, архиепископ Архангельский, и весь Освященный собор, и ваши государские верные подданные, бояре, окольные» (среди подписантов были, разумеется, боярин Иван Никитич Романов «Каша» и юный болезненный стольник Михаил Фёдорович Романов). Потом в грамоте говорилось, что новое посольство Салтыкова отправляется потому, что старое посольство Филарета Романова, как писал

сам Сигизмунд, действовало не по тому наказу, который был ему дан, ссылалось с «вором», а также с осаждёнными в Смоленске и другими изменниками.

Только посольство Салтыкова представляло не всё Московское государство, а всего несколько десятков бояр и дворян, запертых в Кремле. Король Сигизмунд, испытывая законную радость от признания его «первыми московскими людьми» государем Московским, в принципе, не имел никакой возможности оказать «земную помощь» своим новым верноподданным и гетману Ходкевичу войском из-за отсутствия в польской казне денег. Это была тупиковая ситуация близкого краха союза предателей-коллаборантов с иноземными польскими захватчиками: гетман Гонсевский, засевший с боярами в Кремле, не имел сил удерживать всю Москву в своих руках, король Сигизмунд не мог выручить Гонсевского и бояр-предателей, а войска Заруцкого и Трубецкого не могли взять Москву с Кремлём.

Но недаром в грамотах Дионисия из Троицкой обители говорилось о скорой Небесной Божией помощи православным христианам и православному Московскому государству: народ призывался готовиться к великому делу освобождения от иноземных захватчиков и внутренних предателей-коллаборантов. Наверное, архимандрит Дионисий угадывал на-

строение русского православного народа: оно было таково, что в череде поголовных измен и предательств верхов, да и в низах, в казацкой среде, народ был готов всеми своими силами подняться на освободительную борьбу, когда просто обязана появиться новая свежая сила, способная сплотиться вокруг сильных народных организаторов-праведников и военачальников-вождей...

В октябре 1611 года в Нижнем Новгороде была получена грамота Дионисия из Троицкой обители. Грамоту решили прочитать в соборной Спасо-Преображенской церкви. Ударили в большой соборный колокол, несмотря на то что день был непраздничный. Народ в Нижнем понял, что неспроста звонят в соборе большим колокольным звоном. Скоро церковь св. Спаса была забита до отказа местным возбуждённым народом.

После торжественной обедни протопоп Савва Ефимьев перед зачитанием грамоты из Троицы, знавший о хождении воззваний Дионисия в Русских землях, обратился к народу с речью:

— Православные христиане, горе нам! Пришли дни конечной гибели нашей. Гибнет наше Московское государство; гибнет с ним и наша православная вера. Горе нам, великое горе. Литовские и польские люди в нечестивом

своём совете умыслили Московское государство разорить и обратить истинную веру Христову в латинскую ересь. Кто тут не заплачет? Ради грехов наших Господь попустил врагам нашим возноситься. Горе нашим жёнам и детям! Еретики разорили до основания богохранимый град Москву и предали всеядному мечу детей её. Что нам творить? Не утвердятся ли нам на единение и не постоять ли за чистую непорочную Христову веру, и за святую соборную церковь Богородицы, и за целебные мощи московских чудотворцев... А вот в моих руках грамота властей Живоначальной Троицы, монастыря святого Сергия, которую я решил прочесть вам...

И была прочтена протопопом Саввой грамота Дионисия, призывающая весь народ русский на спасение стольной Москвы и православной веры. Чтение грамоты закончилось великим умилением народа и его обильными слезами. И тут же послышались вопросы встревоженных людей и горестные восклицания:

— Что же нам делать?..

— Горе нам, гибнет государство Московское...

— Как помочь Москве и государству Московскому, если всё уже погибло, казалось бы, без возврата?..

И тут же раздался громкий голос:

— Не всё погибло в Москве. Надо ополчаться и идти на помощь Москве. — Это воскликнул земской староста Кузьма Минин Сухорукый с сияющими глазами, из которых во время чтения грамоты Дионисия пролились на землю обильные слёзы. — Ополчаться надо нам...

Он не стал говорить народу, толпившемуся у соборной церкви, как до этого утром рассказал своим родичам, ещё до колокольного большого звона, что ему несколько раз являлся во сне святой Сергей Радонежский и сурово приказал «возбудить уснувших». И в этот знаковый для Нижнего день св. Сергей явился к нему, земскому старосте, и обязал заговорить «по делу» после прочтения грамоты из Троицы протопопом.

— Православные люди! — обратился Минин к народу громким голосом, твёрдо решив не вспоминать мистические сны, а сразу «выступать по существу дела». — Коли хотим помочь Московскому государству, не пожалеем достояния нашего... Дворы свои продадим... Жён и детей заложим и станем челом бить, искать, кто бы вступился за истинную православную веру и стал бы у нас первым военачальником!.. Дело великое совершим, если Бог поможет...

— А если Бог нам не поможет?

— А ежели, как всегда, дьявол вмешается, — что тогда?

Нашлись и такие возражающие и осторожные люди с «законными» сомнениями. И первым из таких был стряпчий Биркин:

— Откуда ты знаешь, что тебе с твоими призывами Господь поможет? Где гарантии?.. Такое дело больших денег потребует — откуда соберёшь, Кузьма?..

— Я верю, и я знаю: только мы здесь в Нижнем подыдемся на это великое дело, другие города пристанут к нам, и мы избавимся от врагов православия... — Кузьма Минин возвысил голос до предела. — Пусть мы сами не искусны в ратном деле, так станем и кличем кликать вольных служилых людей... военачальников сильных и искусных найдём... Только начать надо правильно, с верой в свои силы, в Божью помощь...

— Опять, Кузьма, ты напирал на Небо, а будь на земле, стой на ней, знай своё место, сирое и убогое... — напирал Биркин. — И не высовывайся, чудак, скажи лучше, а казны нам откуда взять служилым людям?

Минин долго расчёсывал себе затылок, размышляя, что отвечать Биркину. Но ответил с горящим, не тухлым, как у Биркина, взглядом и твёрдым, не терпящим возражения голосом:

— Я убогий с товарищами своими, всех нас две тысячи пятьсот человек, а денег у нас в сборе 1700 рублей... Брали третью деньгу...

У меня было 300 рублей, и я 100 рублей в сборные деньги принёс... И ещё принесу... Так же и вы все делайте...

— Будь так, будь так, как староста сказал, — закричали в ответ люди и начали тут же сбор денег.

И начались частые сходки у Кузьмы Минина, которого все жители Нижнего Новгорода хорошо знали и уважали за деятельный характер, принципиальность, бескорыстие, все были уверены, что в святом деле помощи государству ни одна копейка не пропадёт у земского старосты. Желание послужить великому делу освобождения было так сильно в Нижнем у торговых людей и ремесленников, что сбор «по третьей деньге», то есть по третьей части имущества, многих патриотов уже не удовлетворял: многие жители стали жертвовать в казну ополчения гораздо больше.

— Чего мы тебе доверились, Кузьма? — как бы шутейно спросил Минина один купец, пожертвовавший «по второй деньге».

И пришлось Минину рассказать о своих мистических снах, в которых ему многожды являлся святой Сергей с настойчивым требованием «возбуждать уснувших», пробуждать у них уснувшую совесть и совсем не квасной безликий патриотизм.

Прослышав про это, а может быть, и без всякой связи с мистическими «Сергиевыми

снами», однажды к Минину явилась одна вдова и принесла на ополчение огромные деньги, целых десять тысяч рублей. Сказала, как на духу, передавая деньги Минину:

— Я осталась после моего погибшего мужа одна-одинёшенька, нет у меня детей, а родственников тьма, и каждый из них норовит подоить богатую вдовушку. Было у меня от мужа двенадцать тысяч рублей, отдаю тебе десять, а себе оставляю всего две... Как думаешь, староста, муж покойный меня понял бы? Или сторону родичей взял, что с меня деньги тянут, а ни копейки не дали в казну ополчения?

— Понял бы тебя твой погибший супруг, — сказал Минин. — Благодарю тебя за помощь нашему Отечеству, оказавшемуся в беде, славная горожанка Нижнего... А с твоими родичами я поговорю ещё... Кто не хочет давать третью деньгу добровольно, у того мы возьмём всё убеждением и, если надо, силой... Силу иногда на нашей земле тоже надобно применять...